

ным героем: Мишка — он — я, что вновь акцентирует значимость «вещности» и литературной традиции для автора. В произведении писатель выстраивает примечательную линию отношений героя и времени: от осознания себя игрушкой в руках времени, его вещью до понимания себя как владельца не только вещей, но и памяти о своем времени.

Роман «Все поправимо» является попыткой осмысления послевоенной действительности за последние 60 лет. Ориентируясь на классическую традицию романа XIX в., писатель обращается и к тому, что привнес в романное мышление XX в. Используя опыт В. Набокова, автор акцентирует вписанность человека в предметный мир, которому в романе отводится особая роль: характеристика повседневной и межкультурной коммуникации, отражение образа конкретной эпохи, изменения времени и героев.

Таким образом, попытка преодоления «осколочности» современного мышления, предпринятая в романе, доказывает востребованность этого жанра в любое время и вместе с тем его динамику и новые возможности.

Примечания

1. *Ретина Л. П.* Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань, 2001. С. 338.
2. *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 22.
3. *Постоялко Д. С.* Быт как пространство нравственного самоопределения личности // Мудрость бытия и пошлость быта: Материалы регион. симпозиума. Оренбург, 1999. С. 67.
4. *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). М., 2003. С. 429.
5. *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М., 2001. С. 70.
6. *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Избр. ст.: В 3 т. Таллин. Т. 1. С. 121.
7. *Бойм С.* Общие места: мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 125.
8. *Чернов А. С.* Ритуальность кухни // Мудрость бытия и пошлость быта. С. 101.
9. *Кабаков А. А.* Все поправимо: хроники частной жизни. М., 2005. С. 459.

© Федорова В. П.
г. Курган

ФОЛЬКЛОР В ЛИРИКЕ А. Н. ЕРАНЦЕВА

Алексей Никитович Еранцев — поэт, вошедший в литературу в 60-е гг. XX в., когда на площадях, в театрах и клубах читались поэмы, стихи как самих поэтов, так и их почитателей. Еранцева на площадях не было, но рождалась и утверждалась его свежая, искренняя лирика. Через десятилетия, изменившие в нашей жизни многое, творчество поэта-зауральяца остается современным. Не было у поэта величаний вождей, великих строек, революционности Казанского университета. Стихи Еранцева обращены к жизни «обычных» людей. Книги поэта ведут к деревенской улице, в крестьян-

янскую избу, поле, лес, зовут искать в свежей траве свою звезду. Расширяется пространство, раздвигаются рамки времени.

В биографии Алексея Еранцева (1936 г. р.) отразилось время. Репрессирован отец, военное лихолетье, пережитое в доме деда, школа. А далее по способностям и трудолюбию — дорога в Уральский университет (УрГУ). Окончил факультет журналистики, работал в курганских газетах. Первая книга «Вступление» вышла в 1963 г. В ней высказан главный жизненный и творческий принцип:

*Иду на самый людный перекресток,
Чтоб выбрать направление самому.*

Самостоятельность поэтического почерка в многоцветье и многолюдности литературы второй половины прошлого века, вдумчивость, ответственность перед словом отличают Еранцева от армии его собратьев по перу. Он тревожился, что нечаянно найдет в траве чужую звезду:

*Изматываясь, радуясь, колдую,
Ищу строку я, как звезду в траве,
И все боюсь: а вдруг найду чужую,
Возьму — и попадусь на воровстве [1].*

Поиск своей звезды вел к родным краям. Собственные корни переплетены с корнями родной земли, речкой Каменушкой, деревушкой «с легким именем Житки» (161). «В трех шагах от начала начал» лирический герой стремится «запомнить запах бытия».

Размышляя о сущности поэзии, творчества, его связях с миром, Еранцев нашел в крестьянской культуре образ-символ, передающий труд поэта, высокую звездность и важность поэзии в человеческом бытии. Крылатого Пегаса заменила лошадь, чувствующая спиной красоту песни:

*Я тяжесть песни самолучшей,
Как лошадь, чувствую спиной (127).*

Важная мысль раскрыта через устоявшийся крестьянский афоризм — чувствовать спиной.

Отличительной чертой идиостилия Еранцева является широкая фольклорная волна: былички, сказки, песни, легенды. При этом часто дается помета: «Поверье». Лирический герой выступает в роли центрального звена в фольклорной трансмиссии: услышал от людей — рассказал, передал людям.

*До сих пор в глуши поверье бродит,
Грустное, как прошлая беда:
Если человек с земли уходит,
В небе рассыпается звезда (22).*

Водяные, русалки нужны для осмысления жизни, а также внутреннего мира поэта и сущности поэзии. Фольклорная струя придает лирике Еранцева философское звучание и позволяет многое из нее отнести к философскому тематическому кругу. В стихотворении «Водяной» характерен мотив философского камня как средства испытания человека глубинной жизнью.

Философский камень — это образ, ведущий к размышлениям об основах бессмертия поэтического слова. Только родные корни, собственная доброта, умение вглядываться в жизнь и замечать в ней обычное и чудесное, способность откликаться на все ее проявления и позволяют человеку становиться творцом. В духе несказочной фольклорной прозы создан подводный мир с плотной тяжестью над ним. Это и пейзаж, и символ многообразной жизни с искорками чуда и штормами:

*И привязали камень философский,
И разодрали пробковый жилет:
— Спасешься — наш!
Не глиняный, житковский!
А не спасешься, значит, не жилец!
И не певец, не жнец, не сын рыбаки.
И все... (163).*

Наиболее часто обращается поэт к сказкам и песням. В них он видит опору и истоки вдохновения. К народной поэзии отношение серьезное и трепетное. Для Еранцева песня — это приглашение к раздумьям. Она не рождается без думы. Думы и песни взаимосвязаны, как сердце матери и сердце земли. Эта сложная мозаика — истоки поэзии, которая названа автором «кумачовыми журавлями»:

*Дума с думой для песни сойдутся,
Сердце матери с сердцем земли,
И тогда из багрового солнца
Вылетают мои журавли (23).*

Песня видится нитью, перевивающей жизнь человека и природы. Такты кузнечика вдохновляют в полях перепелов, перепела настраивают на песню девчат. Под их песню зацветает рожь. Песня уподоблена кругу, внутри которого царит гармония единства и взаимосвязи:

*Кузнечик выбил три последних такта,
Отозвались в полях перепела,
И где-то песню вывели девчата,
И рожь под эту песню зацвела (92).*

Песни и сказки являются средством идеализации женщин, их поэтичности. Женщины — знатоки и хранительницы традиций. Молодые и пожилые, они песнями и сказками помогают лирическому герою остановиться, осмыслить это простое и великое творение крестьянской лиры, перед которой меркнут муки творческих исканий поэтов («Была зима и не было событий...», с. 110)

Песня у Еранцева — звездная составляющая быта. Через мотив рождения песни из обыденности раскрываются истоки творчества:

*Ты скажи, что ослеп и оглох,
Из орешины выруби посох
И проникни в страну пастухов,
В край поскотин, в долину покосов... (114).*

Слово и мелодия — выражение радости бытия, взлет человеческого духа, потрясение звуком. Через образ песни поэту удалось передать пушкинскую мысль о радости и трепетности творчества. Еранцев возлагает на сказку ряд художественных задач. В форме «как можно короче и как можно полнее» [2] раскрываются глубокие философские раздумья о времени, судьбах деревни и всей России. С позиций народной мудрости и народного понимания даются оценка, приговор происходящему. Поэт скрытно полемизирует, «составившись с веревки», с официальными утверждениями о сказочном завтра. Сказка обнаруживается только в природе и творчестве. Сказочный мотив часто является сюжетообразующим. Известный «Аленушкин, белый, потерянный узелок» набрасывает сказочный узор на изображенную картину природы:

*Зайчиха себя ушами похлопывает по спине:
На каждом пеньке — по шаньге,
По булке на каждом тне.
А заяц уже пообедал, раздвинул кусты, залег,
Словно Аленушкин, белый,
Потерянный узелок (138).*

Человеческая жизнь подобна мертвому городу. Однако есть просвет, он в подземных, невидимых, живых, сказочных водах — в невысохших душах. Под пером поэта сказочные мотивы опрокинуты, предстают «наоборот» как характеристика разлада между высокими словами и делами. Стихотворение «Лесная изба» — это раздумье о малых деревеньках, одиноких избах, ждущих перевоза, о разрыве традиций. В абсурдности, где «телевизорные грабли в небе тучи ворошат», где избы открестились от икон, сказочного молодого Емелю, поймавшего щуку-удачу, заменил старик. Его дорога ведет к замкнутому каменному пространству — турбине, куда уползла речка. Мир снижен, в нем нет места красавице-царевне, а герой едет то на печке, то на кляче, услышав слабый вскрик воды, а не призывный царский глас.

Мир, где еще «песня ходит по дорожке» и «речка бродит в тальниках», «Крест-накрест / Собственными крыльями / Заколочен старенький ветряк», разрушается. Частотным образом-символом подточенного лада российской жизни является мельница-кормилица, поддержка не только деревни. Драматичен мотив отнятой у мельницы работы. Эта драма обернулась сейчас деревенской бедой — безработицей на земле (49).

Судьбой ветряков поэт как будто предсказал противоречивую судьбу России — мельничной, хлебной страны. С одной стороны — крылатость, с другой — резкое размежевание с традициями (44).

Поэт обращался к современникам и потомкам с напоминанием о беде беспамятливости, забвения корней. Бег по жизни, отрыв от родных берегов оборачиваются одиночеством и поздним раскаянием. Жизненную зацепку, опору, лирический герой ищет в народной культуре. В стихотворении «Вот приехал я деда проводить» мысль о позднем раскаянии, невозможности повернуть все вспять, вернуть прошлое раскрывается через сказочные образы муравьиного царства и поющую березку. Нет человеческого жилья, нет

девичьих песен. Пустота. Фольклор придает произведению философское драматическое звучание (42).

Примечания

1. *Еранцев А.* Звезда в траве: Книга стихов / Сост. и авт. вступ. В. В. Веселова. Далее в тексте цитируется это издание с указанием в круглых скобках страницы.
2. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л., 1974. С. 7.

© Фоминых Т. В.
г. Екатеринбург

ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

Творчество Д. Хармса относится к тому периоду истории нашей страны, когда хаос стал тотальным свойством реальности и поразил всю Россию [1, с. 21], когда происходил пересмотр ценностей, что делало взгляды более широкими, а суждения более гибкими [2, с. 7], когда свершались художественные открытия, которые стремились вырваться из истории во внеисторическую сферу, смыкающую концы и начала, прошлое и будущее [3, с. 17]. Необходимость художественного осмысления возможностного мира отбрасывала человека, оказавшегося в разрыве культур [4, с. 934], к началам-начинаниям этого странного бытия в мире-до-мира, этого мышления в замыслах мысли быть мыслью, этой речи, впервые (из)обретающей свой язык [5, т. 4]. Сама эпоха провоцировала обращение писателей к истокам культуры, к устному народному творчеству.

Обэриуты, в числе которых был и Хармс, не стали исключением. Их творчество развивало элементы вольной, раскованной карнавальная стихии, использующей смех, профанацию общепризнанного, развенчание устоявшихся эстетических устоев. Они провозглашали относительность существующего мироустройства и переделывали его в соответствии с игровыми правилами собственного искусства. Жизнь переводилась в новое измерение, выворачивалась изнаночной стороной, подобно тому, как это делали скоморохи в своих небылицах [6, с. 271].

В исследованиях о связи литературного наследия Д. Хармса с традициями устного народного творчества можно найти параллели между творчеством писателя и следующими жанрами: небылицами [7, с. 161], детскими потешками [6, с. 271], считалками [Там же; 8, с. 61], частушками [9, с. 297], разнообразными колотушками, неизменными составляющими фарса [10, с. 184], заговорами и заклинаниями [11, с. 77].

Жанрово-стилевые традиции детского и материнского фольклора присутствуют в творчестве Хармса в форме сказки о животных («Лиса и заяц», «Жили-были два зайца...», «Видишь, под елочкой маленький дом...» и др.), докучной сказки, характеризующейся кольцевым повтором («Уж я бегал, бегал, бегал...»), отговорки («Ты был в зоологическом саду?» и др.), колы-